

СЕРГЕЙ ЛЕЙБГРАД

№ 24 1997

* * *

Неразлучные ели и сосны,
медицинские братья и сестры,
и осколки осипших речей
вероломны, как дело врачей.

Здравствуй, Родина, вечная осень
золотая, народ-рогоносец
неподкупной говядиной бьет
по карману и песни поет.

Что ж ты лезешь в безумную душу,
если знаешь - вот-вот занедужу,
что ж ты плачешь, судачишь, дурачишь,
рвешь и мечешь, и плачешь, и плачешь
в мае-месяце рядом с часовой,
где торгуют все злей и любовью,
где размыты углы и края,
в каждой линии - повесть моя,
моя мука и точка исхода,
моя ненависть и несвобода.

* * *

Метафора - мутация сознания,
стихи не есть циклический набор
отдельных слов. Приблизился в упор
подследственный, двойник переиздания.
Наследственность разорвана, как лист
печатный ежемесячной газеты,
дрожит запястье, как мотоциклист,
ты около стоишь, как окулист,
в глаза мне смотришь - дряблые приметы
растеряны, как гости без вина,
длина строки не меньше, чем Двина,
Нил, Иордан, Евфрат, Десна и Волга.
Висят рядами окна, точно вобла,
и жаждет пива долгая страна.
Со смертью я покончить не успел,
не ел, не пил и, в принципе, не пел,
тем более, что нынче невменяем.
Отложены все помощи, и дел
нет неотложных - позже доиграем.

* * *

Не начинай: не слышу, не взимаю.
Уже зима - молчу и осязаю.
Пускай стучится, тычется - в расчет
я собственную кровь не принимаю.
Чем ради сна пожертвовать еще?
Кого изгнать, в какой горячке слечь?
По кругу продвигаются глухие.
Нет более языческой стихии,
чем устная и письменная речь
одновременно. Выродились печи:
ни образа, ни голоса не сжечь.
Апоплексично вздрагивают плечи,
и молния соскакивает с плеч.
Повсюду мне мерещатся предтечи,
и женствен или множествен мой слух,
когда он суеверно искалечен,
когда одно даровано из двух
взаимоневменяемых наречий.

* * *

Вечерний шмон разводят на любом
участке от Самары до Карачи,
от стойки "смирно" в транс до карачек.
Молиться научи меня, и лбом
я расшибу все стены вместе с плачем.
Я соберу в один фотоальбом
всех медицинских родственников бедных...
Молочный брат, молочная сестра
и млечный путь с реляцией победной,
какхорошо погреться у костра.
Гори все синим пламенем бесследно!..

А юность невозможно (хоть убей -
сейчас убью) представить без "Опала",
"Родопа", "Ту", без пачек лебедей
надгробных из фарфора и металла.
Убей меня, снегурочка, убей.
Пиши пропало, я пишу пропало.

Пишу, пишу, покамест не вкушу
от детской речи и семейной сечи.
Дай поцелую, дай скажу: до встречи,
иди ко мне, в объятьях задушу...

Из "ПЕСЕН БЕЗУМНЫХ"

1.
Безумные песни,
беззубые ясли.
Ах, если б, ах, если б
все окна погасли!

Ах, если б, ах, если б,
Ах, Готлиб...

2.
День разбит и век загублен.
Неразборчивы слова.
Но шумит зеленый Дублин
в голове Толстого Льва.

3.
Экзамен,
экзема,
мотивчик простой
и обнаженный,
как учащаяся
профессионально-
технического
училища.

4.
Семья,
истерика.
Не бей жену.
Не бей лежачего,
спасай страну!

Спасайся, кто может!
Я не могу,
не мое это собачье дело
(не царское это дело).
Это дело рук утопающих.

5.
Чу! Послушай, что за черти,
кто там возится в золе
после жизни, после смерти,
после славы на земле?..

6.
Жизнь уходит.
Уходит жизнь.
Уходит жизнь, уходит.
Пока еще не ушла...
Времени так много,
что будто и вовсе нет.
Нет времени, чтобы успеть
пересест с одного поезда
на другой...
Вдыхая фиолетовый воздух
двоюродного города,
затянуть бы монотонно,
с остервенением: А-аа!
Неотвратимо, нежно.
Со всепрощающей ненавистью
и без остановки
вспоминая всех,
комухоть раз улыбался,
кого терпел,
принимая коллективное безумие
за свое собственное.
Что душа?! Когда плоть рассыпается,
так и не успев повзрослеть...

7.
Подонки гуляют, казак молодой...

Бедный Дон.
Тихий Дон.
Тихий Джон Донн...

По-над Доном с панадолом.
Пантин крови,
Спас на про-ви...

8.
Окрестности тонут в кефире,
известия тонут в эфире,
часов электронных цифири,
как водоросли на глазах.

Я собран и тронут, как пристань
и приступ, и заступ; и в ряд
пять пуговиц, как декабристы,
в натруженных петлях висят.